

В. Н. ЗАХАРОВ

Интервью С. Рязанову.

«Всё яростнее попытки выгнать хозяина из дома»

— *«Либералы» и «патриоты» борются за классиков — например, за Пушкина, за Бродского. Пытаются идеологически присвоить их, вручить им свой флаг. За Достоевского такая борьба не ведётся, верно?*

— Всё так: за Достоевского никто не борется, а те, кто против него, — имя им легион. Этому много объяснений. Достоевский не нужен политикам. О чем он проповедовал? О России, о народе, о Боге, о Христе. Представьте, что будет с политиком, который от себя лично начнет цитировать Достоевского. Например: «Идеал народа — Христос». Какой поднимется вой, сразу появятся сотни лебезятниковых, которые наперебой станут убеждать, что это не так, что идеал народа не Христос, а антихрист, водка и прочая дребедень.

Достоевский не часть, не партия, а целое, принадлежит каждому и всему человечеству. В мире есть те, кто прочитал и принял правду Достоевского, и те, кто еще может понять гения. Это не просто. Мы живем в антидостоевское время, когда современные креаклы (представители «креативного класса». — *Примеч. «Аргументы недели»*) навязывают другой образ мира, в котором всё можно, всё позволено, масс-медиа навязывают отрицательный образ Достоевского. Предупреждаю «нечитателей»: это бесплодные усилия нелюбви. Ненависть, клевета Достоевскому не страшны. Вся эта ложь исчезает, если открыть книгу и начать читать Достоевского.

— *Один блогер назвал Фёдора Михайловича «ватником своего времени». Этичность подобных формулировок весьма сомнительна, но, может быть, уместно говорить о крепкой однозначности взглядов Достоевского?*

— Наклеивание ярлыков — совковая ругань на коммунальной кухне, спесь маргиналов. Достоевский однозначен и неоднозначен

в своих политических высказываниях. Он обличал и высмеивал либералов, но был самым радикальным либералом в Российской империи. Он был против цензуры, и это отражено в его материалах по делу Петрашевского. Как известно, за чтение письма Белинского Гоголю и участие в «заговоре» Достоевский был приговорен к смертной казни, замененной четырьмя годами Омской каторги. И даже после каторги и «перерождения убеждений» он настаивал на вреде цензуры и искренне полагал, что нужна свобода слова, что цензура придает нигилистам загадочность и таинственность, наделяет их силой, что они провалились бы тут же в своей пропаганде, если бы имели возможность излагать свои мнения открыто и прямо.

После каторги письма Достоевского вскрывались. Так было с его письмом к Каткову от 25 апреля 1866 года. Слова Достоевского о необходимости свободы слова в русском обществе тут же были переписаны и по писарской копии доложены императору Александру II. Меня удивляет, что их не замечают критики и политики, не цитируют исследователи. Достоевский либеральнее любого либерала. История свидетельствует: типичный либерал озабочен свободой слова для себя, но охотно запрещает эту свободу другим. Достоевский же был за свободу для всех. А ещё за отмену смертной казни. Его бы можно было назвать либеральным консерватором или консервативным либералом, но сам он называл себя иначе — почвенником.

Достоевский подозревал, а не в заговоре ли цензоры против правительства: то, что против церкви и государства, пропускают; то, что «за», запрещают. Цензурный комитет был одним из инициаторов закрытия журнала братьев Достоевских «Время» в 1863 году. В 1870-е годы писатель противился, когда его стали освобождать от предварительной цензуры. Он отказывался от этой чести. Отношения с государством были понятнее, если ответственность брал на себя чиновник. К власти Достоевский относился требовательно. Был монархистом, считал, что это лучшая форма государственной власти, в написанных по случаю разных юбилеев и поздравлений в адрес Александра II формулировал монархическую идею, ждал, что царь призовет народ («серые зипуны») для совета. Но вместе с тем с досадой отмечал: слишком долго не зовет.

— *А можно ли понимать «Легенду о Великом инквизиторе» в «Братьях Карамазовых» как своего рода либеральный манифест?*

— Во-первых, это не «Легенда», а поэма. «Легенду о Великом инквизиторе» сочинил в своей книге философ и критик Василий Васильевич Розанов, а Иван Карамазов сочинил, как он говорит, «поэмку». Во-вторых, для либералов идеи этой поэмы слишком радикальны. Либерализм выступает против государства и власти, но не чтит

Христа. В «Великом инквизиторе» явлена иная свобода. Это свобода личности, свобода слова, любви, сострадания, спасения. Это проповедь христианства как религии свободы.

Конечно, смысл поэмы универсальнее, чем обличение инквизиции или католицизма. Это было очевидно уже для первых читателей. Не случайно, давая критический анализ поэмы, учат политологов в западных университетах. На триаде «чудо, тайна, авторитет» зиждется могущество многих властителей. Сейчас природа власти во многом изменилась: чудо без чуда, тайна спряталась, авторитет безличен. Но все базовые элементы власти остались.

— *Некоторые исследователи говорят о Достоевском как о «сломленном человеке» (в связи с каторгой) и объясняют этим перемену в его взглядах. Возразите?*

— Среди моих коллег таких исследователей нет. Это мнение профана, а не исследователя. Чтобы быть исследователем, нужно читать Достоевского, сидеть в архивах и библиотеках, проверять свои концепции и идеи в спорах с коллегами. Писатель узнал в каторжниках народ. Выразил новые политические идеи в цикле политических стихотворений 1854–1856 гг., стал почвенником, представил почвенничество как «новое слово» идеологии журналов «Время» и «Эпоха», открыл новый роман и «Дневник писателя», написал «Братьев Карамазовых», пытался учить власть и наследника престола, будущего Александра III, был признан учителем русского общества, триумфатором Пушкинского праздника 1880 года. И всё это при том, что был болен, изнурен долгами и прочими неурядицами. Такой подвиг мог совершить только негибнемого мужества человек и писатель.

— *Однозначен антиреволюционный пафос наиболее политического романа Достоевского, «Бесов». Корректно ли оборачивать книгу против современных политических движений, как это сделал (неожиданно для многих) режиссёр Юрий Любимов в своём спектакле «Бесы» 2012 года, направив его острие на белоленточников?*

— «Бесы» — один из архетипов русской истории. Роман пророчит нам не только наше историческое прошлое, но и будущее. По-прежнему мы блуждаем на путях истории, по-прежнему нас водят бесы. Они многолики, но узнаваемы. Они не мирны, типична ситуация, когда бесы выступают против бесов. Это роман о каждом из нас. Бес — каждый, кто одержим ненавистью, сеет раздор, непримирим к ближнему, нетерпим к чужому мнению, ищет брани, готов избивать, убивать, лгать, обманывать, презирать, кто лишен любви, отказывается прощать, кто забыл Бога... И всё же Достоевский был убежден, что Россия исцелится и, как гадаринский бесноватый, припадёт к ногам Христа. Ещё не потеряно время проверить, прав ли Достоевский.

— Евгений Павлович в «Идиоте» произносит известную речь: «Русский либерализм не есть нападение на существующие порядки вещей, а есть нападение на самую сущность наших вещей, на самые вещи, а не на один только порядок, не на русские порядки, а на самую Россию». Высказывает ли этот персонаж мнение писателя?

— В некоторых сценах романа — вполне. Ему принадлежит убийственный антилиберальный афоризм: «Русский либерал не есть *русский* либерал, а есть *не русский* либерал». Князь Мышкин допытывается, серьезно ли тот говорит. Аделаида уверена: «Евгений Павлыч всегда и всех дурачит!» Тогда, в 1868 году, эти мысли казались парадоксами и даже «дурачествами», теперь — пророчески сбылись.

— «Хозяин земли Русской — есть один лишь русский (великорус, малорус, белорус — это всё одно) — и так будет навсегда», — написал Достоевский.

— Ещё одна актуальная «антилиберальная» мысль писателя и публициста. Казалось бы, по здравому смыслу должно быть так, но чем дальше, тем яростнее попытки выгнать хозяина из дома. Русский — имя собирательное и богатырское у Достоевского. Он видел назначение России в христианском служении всем народам. Она спасает слабых, дает им жизнь; властвуя, возрождает поработанные славянские земли, защищает отуреченный Царьград, поруганную Святую Землю, Азию, где живут народы, ждущие заступничества России. Достоевский переносит в европейскую политику исторический опыт образования России и объединения иноверных народов, в котором каждый народ под ее покровительством оставался самим собой. Это православный принцип политики России, которая никого не угнетает: «Она — покровительница их и даже, может быть, предводительница, но не владычица; мать их, а не госпожа. Если даже и государыня их когда-нибудь, то лишь по собственному их провозглашению, с сохранением всего того, чем сами они определили бы независимость и личность свою».

— «Фёдор Михайлович — ужасное явление в русской мысли. Неужели вы не видите, что это начало русского фашизма? Большого вреда не нанёс человечеству в XIX веке никто», — сказал Дмитрий Быков.

— Этот бред недостоин критики. Есть люди, которые разбрасываются словами, не понимая их смысла. В христоцентричной идеологии Достоевского фашизм невозможен. Он знал, что Христос — мера человека и явлений мировой и русской истории, «поиск человека в человеке» — это открытие в нем образа Божия, что даже самый последний человек может «восстановиться» и «воскреснуть», у каждого «золотой век в кармане», каждый — гений, каждый — Шекспир. Этим Достоевский увлекает читателей по всему миру. А читателям вместо

Достоевского навязывают «достоевщину», ограничивают его образ человека «подпольем». В героях Достоевского есть не только подполье, есть образ Божий, есть всечеловек.

— *Кто же такой этот всечеловек?*

— Достоевский произнес это слово в Пушкинской речи. Её ключевой тезис: «Стать настоящим русским, стать вполне русским может быть и значит только (в конце концов, это подчеркните) стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите». Всечеловек тогда, да и сейчас, редкое слово в русском языке. Всечеловеком с большой буквы называли Христа. Только один исследователь понял слово «всечеловек» и саму речь писателя. Это сербский святой преп. Иустин (Попович), автор книги «Достоевский о России и славянстве» (1940), лучшей книги о Достоевском. Он свидетельствует: Достоевский — философ, мученик, поэт, пророк, апостол, ибо «он всечеловек». Он — другой писатель, чем его представляют масс-медиа.

— *Известны весьма неполиткорректные по нынешним меркам публикации Достоевского о еврейском вопросе. Уместно ли считать их антисемитскими?*

— Меньше всего его заботило, что о нем скажут или подумают. Современное антидостоевское досье, начиная с известной статьи А. Горнфельда в «Еврейской энциклопедии» (1910), обязательно включает вопрос об «антисемитизме» Достоевского. Впрочем, свои претензии высказывали не только евреи, но и поляки, немцы, французы, турки. Можно припомнить другие народы, но не в этом суть проблемы. Достоевский не антисемит, он бичевал недостатки разных народов, в том числе русского. Есть ли недостатки у народов? Можно ли их обсуждать? Для Достоевского это риторический вопрос. Если собрать всю его критику русского народа, его легко представить русофобом, но это было бы ошибочным суждением.

Как-то в Варшаве один польский журналист спросил меня: почему Достоевский не любил поляков? Не вдаваясь в подробности, я ответил: любил. Ответ вызвал недоумение: как так, ведь он представил в неприглядном виде поляков в романах «Игрок» и «Братья Карамазовы»! Да, и тем не менее он любил в поляке человека, любил ближнего. Как верно заметил недавно Игорь Волгин, достаточно сравнить, что писали, подчас с ненавистью, поляки о Достоевском на каторге и как сострадательно и сочувственно писал о них Достоевский. Он был христианином, для которого нет ни эллина, ни иудея. Он знал опытом веры, что люди — братья. Из этого и исходил в своих суждениях о народах.

— *Насколько часто и полно издавали Достоевского в СССР?*

— В Советском Союзе применялась избирательная издательская политика. Для массового читателя существовал свой канон Достоевского:

без идеологически вредных «Бесов», «Дневника писателя», критики и публицистики. Однако к самиздату прибегать не приходилось: для специалистов и любителей дважды выходили полные собрания сочинений, где всё это было. Какие-то книги попадали в спецхран, но не из-за Достоевского, а по другим политическим причинам.

В отличие от Пушкина, Достоевского не пытались сделать «соратником в борьбе за коммунизм» или советским классиком, но пытались примирить с господствующей идеологией. Советская орфография не так безобидна, как может показаться. Она искажала авторский смысл. Проблема не только в том, что слово *Бог* нужно было писать с малой буквы, но и в том, что слово *сатана* можно было писать с большой: «Но Сатана знает бога...» Этот казус — дословная цитата с 36 страницы 16 тома полного собрания сочинений в тридцати томах. Казалось бы, сейчас другие времена, но в массовых изданиях Достоевский по-прежнему выходит в советской орфографии. (Справедливости ради нужно признать: в СССР издания Достоевского выходили миллионными тиражами, а не тысячными, как сейчас.)

— *Отождествлялось ли «на кухнях» советское государство с великим инквизитором?*

— На кухнях спорили о том, что было неочевидно, имело разные сценарии развития. А то, что советская власть, как и великий инквизитор, отвергла Христа, являлось данностью, непреложным фактом. Читая романы Достоевского, советская интеллигенция и студенты обретали Бога, открывали Христа, шли в церковь. Сейчас всё иначе, сложнее, а у нас ещё и конфликтнее, чем в мире. Но вопреки обстоятельствам апостольское миссионерство Достоевского не убывает, а набирает силу, в том числе и противлением ему.

